

ПОСЛЕДНИЙ ЧИН И. И. ПОЛЗУНОВА

А. Д. Сергеев

В трудах основных исследователей творчества И. И. Ползунова – В. В. Данилевского, И. Я. Конфедератова, В. С. Виргинского, Н. Я. Савельева – есть отдельные неточности, предположения о тех или иных фактах биографии и творческого пути изобретателя. Это объяснимо, т. к. выявляются новые источники и возникает необходимость их повторного истолкования.

На Вторых Ползуновских чтениях приходилось говорить, что краевед Н. Я. Савельев некритически принял толкование прошлой историографии о звании «механический ученик» и годе перевода И. И. Ползунова в новую рабочую должность, о его «рабочем стаже» (см. «Ползуновские чтения 1989 года». Барнаул, 1989, с. 19). Вскоре после тех Чтений появилась книга В. С. Виргинского «И. И. Ползунов» (М., Наука, 1989 г.), в которой обговариваются те же положения, см. с. 28-29. Таким образом необходимы выписки.

В 1736 г. Ползунов был принят в «словесную» школу, в 1738 г. переведен в «арифметическую». Он закончил полный курс, поскольку в 1747 г. годовое жалование ему определяется в 6 рублей. Все верно «И когда механику Н. Бахореву потребовались вместо «непонятных» учеников хорошие помощники, Канцелярия вынесла 19 февраля 1742 г. определение о переводе в механические ученики И. Ползунова и С. Черемисинова. Жалование Ползунову было установлено в размере полтины на месяц (те же 6 рублей в год)». Помощником Бахорева «с 1742 был И. И. Сусоров», а «кроме Ползунова и Черемисинова, механическими учениками под руководством Бахорева и Сусорова работали с 1735 Степан Костромин и Яков Морозов». Осенью 1747 г. в Екатеринбург прибыл А. Безр и произвел отбор специалистов для заводов в Алтайский горный округ: «На должность гиттеншрейбера просил дать ему унтер механика Костромина, т.е. лицо, обладавшее по его мнению большим опытом в заводских делах, чем «механический ученик» Ползунов. Послали все-таки Ползунова» (с. 36).

Рассмотрим и объяснимся, В. С. Виргинский, называя эти фамилии, ссылается на уральского исследователя А. Г. Козлова; смотрим, что о них сказано в его книге «Творцы науки и техники на Урале» (Свердловск, 1981). И. И. Сусоров 1721 г. рождения,

был определен механическим учеником к Бахореву в 1735 г., и, будучи еще учеником, изготовил по собственной модели весы для Алапаевской заводской конторы в 1740 г. (с. 135-136). С февраля 1742 г. (обратите внимание) был определен машинным подмастерьем, и с ноября 1744 г. преподавал в горной школе, в 1746 г. ему присвоили звание унтершихтмейстера, позже – шихтмейстера.

С. Ф. Костромин 1719 г. рождения, с июня 1735 г. переведен в «механические ученики» к Бахореву, впоследствии шихтмейстер механик, С. Т. Черемисинов 1725 г. рождения, начал службу механическим учеником в начале 1742 г. (одновременно с Ползуновым), унтершихтмейстером утвержден в 1751 г. По положению о горной школе (см. книгу «Сто лет горнотехнической школе на Урале» Свердловск, 1948) она имела три ступени: словесную, арифметическую, знаменованную. В первой обучались все дети, для второй отбирались десятки, в третью попадали 4-6 человек. Но третьей ступени как таковой не было, наиболее способных определяли к высоким специалистам для обучения законченного: 1 (редко 2) – к лекарю, 1-2 (3) в горные специалисты, 1- 2 (3) – к механику. Поэтому в 1742 г. к Бахореву его бывших механических учеников перевели в специалистов, в должности, а к нему прикрепили новых – Ползунова и Черемисинова. В. С. Виргинский сообщает (с. 36), что Безр в конце 1747 г. требовал унтер-механика Костромина, т.е. он уже не был «механическим учеником», а имел специальность. Далее, о том что Ползунов не был в рабочей должности, а был учеником до конца 1747 г., говорит и «оклад», перевод работника с одной специальности в другую приводил к изменению оклада. Обязательно. Как говорит В. С. Виргинский, Ползунов из «арифметиков» перешел в «механику» с тем же окладом, т. е. он числился по школе. Сусоров мог учить Ползунова только с конца 1744 г.

Однако недоразумение с окладом «механики ученику» было, и документ цитирует В. В. Данилевский, но делает выводы другие (книга «И. И. Ползунов. Труды и жизнь» М.-Л., 1940). Вот отрывок: «учеников механических Черемисинова и Ползунова считать на окладе положенного при Пермском начальстве и жалования давать из одного – ибо они и в

науку ту определены (не в должность – А. С.) для посылки в начальства (т. е. в распоряжение того к кому их прикрепили)». Другой: «На запросе из Казначейской конторы подписано, что означенным Черемисинову и Ползунову, со определения их к механической науке, с февраля и поныне (июль 1742) дачи жалования не было – за вышевыписанным, что их в штате и росписе, посланной при указе в Казначейскую контору, не внесено». В чем дело? Очень просто: школа – при Екатеринбургском заводе, а их определили «в науку» (а не просто продолжать учебу), т. е. как бы мы сказали в наше время – направили на преддипломную практику – к Бахореву, механику всего округа (и контора другая: денежки врозь).

Неправильное прочтение документов привело В. В. Данилевского к нелестной и предвзятой оценке действий А. В. Безра: Восьма неохотно принял Ползунова в гиттеншрейберы генерал-майор Безр, как свидетельствует текст его жалобы императрице. Безр был явно возмущен тем, что тогда, когда он требовал в гиттеншрейберы унтер-механика Костромина, что ему навязали какого-то «механического ученика» Ползунова. Видимо, это особо раздражало Безра, приводившего Ползунова первым в перечне «обид», нанесенных ему – посланцу самой императрицы – чиновниками из Екатеринбургской канцелярии... Канцелярия упорно стояла на своем; утверждая, по словам Безра, что «о том де представлено в Берг-коллегию, чтоб она от себя или приисков достойного определить точно (т. е. соответствующую замену - А. С.), да на то от той коллегии указу не получено» (с. 58). Подобные недоразумения переходят теперь из книги в книгу. Не вникая в форму письма (а отсюда и в содержание, и в смысл) тем самым искажается представление не только о Безре, но и о Ползунове, и о «чиновниках» того времени.

На что ссылается А. В. Безр? В указе от 1 мая 1747 г. есть пункт 8, где определено кого, сколько и откуда брать специалистов. Я вынужден его переписать полностью, ибо в книге «История Алтая в документах и материалах» (Барнаул, 1991, с. 53, документ №39) он перепечатан неверно. Текст «8». «Для исправления тех заводских работ по требованию твоему взять тебе из Екатеринбургского асессора Андрея Порошина, вице-маркшейдера Гериха, геодезиста Пимена Старцова взять с собою и написать геодезии прапорщиком и с ним ученика Ивана Денисова из приказных служителей в бухгалтеры одного

кто явится годен, канцеляриста одного, подканцеляристов двух, копейщиков четырех, писарей двух, в лекарские ученики из школьников двух, гиттеншрейберов двух, унтерштейгера Ивана Бабина, берггауеров пятьдесят человек, и в то число сколько потребно взять с Олонца таких за которыми там уже по их должности дела нету, с тульских оружейных заводов канцеляриста Василия Щербакова взять с собою которого написать секретарем» (см. ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 64-70). Видно, что кто-то из специалистов указан персонально, другие общим счетом. Кое-кого, как видно из перечня (а он опубликован у В. В. Данилевского с. 57), удалось Безру взять «сверх того», или «вместо того»: «Ассесор Андрей Порошин геодезист (который написан геодезии прапорщиком) Пимен Старцов, геодезии ученик Иван Денисов. Приказные служители: канцелярист Василий Пастухов, подканцеляристы Федор Бугрышев, Афонасий Попов, копиисты Иван Кузнецов, Василий Филанков, Юда Гуляев, Ксенофонт Голубцов, писари Семен Попов, Семен Никонов, плавильщик Фридрих Бер, штейгер Качка, унтерштейгер Иван Бабин, вместо гиттеншрейберов из механических учеников Иван Ползунов; в лекарские ученики из школьников Иван Окулюков, Михайло Усольцов. Берггауеров...».

Осень просто и ясно написано, что против требования по указу от 1 мая 1747 г. «вместо» гиттеншрейберов записан ученик. Так и описал Безр императрице, если когда-то вдруг кому-то потребуются проверять (ревизовать) исполнение указа: он был обязан указать, кого «вместо» он взял с собой. (Замечу, что «умно» делал Безр, ибо не прошло и года, как им пригретый еще в Туле канцелярист и им теперь возвышенный в секретари крупнейшей Канцелярии, Василий Щербаков, купно с Поповым и Столовым накатает донос на Безра о невыполнении им якобы указа). Поэтому Канцелярия Екатеринбургского завода спокойно отвечала, что Берг-коллегия никого «не приискала» персонально на гиттеншрейберов, и если Костромина – а он не гиттеншрейбер – передать Безру, вместо него «определить точно» (соответственно) никого не подобрала. Екатеринбургская канцелярия подчинялась Берг-коллегии, не Кабинету. То есть все происходило в рамках нормальных отношений подбора кадров и «жалобу» Безра нельзя рассматривать с позиции нашего восприятия. Да это и не «жалоба», не донос.

С 31 декабря 1747 г. Ползунову утвердили первую должность гиттеншрейбера, и

ровно через 10 лет, как и положено по штатам, т. е. 31 декабря 1757 г. представили в первый классный чин. Только благодаря тому, что он имел полное техническое образование его вовремя представили к званию, а то, что он был весьма сведущим специалистом – его тогда же утвердили на один чин выше, шихтмейстером XIII класса.

Некоторое уточнение необходимо сделать по поводу командировки И. И. Ползунова в столицу. Как у В. В. Данилевского (с. 111-123), так и у Н. Я. Савельева (с. 54-57) этому событию в жизни нашего земляка посвящается по отдельному параграфу. В Государственном архиве Алтайского края хранится «дело» № 187 (ф.1, оп.1) под названием «Определение Канцелярии Колывано-Воскресенских заводов в Кабинет о количестве выплавленного серебра...», а внутри, с 248 листа подшито самостоятельное дело с заголовком «О серебре посланном в Санкт-петербург новоучрежденного драгунского полку гвардии капитаном Адамом Ширманом и ундершихтмейстером Иваном Ползуновым выплавленного в 1757 году» (по л. 340). Изучение мною документов ежегодных обзоров с серебром за 30 лет (1748 – 1777) позволяет говорить, что был выработан своего рода канцелярский и исполнительский стандарт и обычай и тем не менее «дело» о поездке Ползунова во многом отличается от предыдущих рядом особенностей. До сих пор обозы возглавлял один ответственный – капрал, сержант, армейский офицер, если к моменту отъезда не приурочивался выезд в Кабинет какого-либо горного чиновника, увольнялся ли он или по другим надобностям, тогда он возглавлял обоз. Но два года назад Кабинет потребовал, чтобы с обозом серебра направлялся горный специалист офицерского ранга, ибо возникла нужда расспросить его о состоянии горного производства. Но горных офицеров было мало, а тем более специалистов – всего четыре человека (исключая членов Канцелярии Христиани и Улиха), из них маркшейдер П. Старцов управлял Змеиногорским рудником, остальные «находятся у приходов и расходов денежной казны и припасов которых от того отлучить никак невозможно». Доверять унтершихтмейстерам обоз серебра нельзя. Как быть? На самом деле откуда брались первые офицеры как горные специалисты, можно проследить по тому же указу от 1 мая 1747 г. В пункте 9 велено следующее: «Бывших с тобою прежде на Колывано-Воскресенских заводах (т. е. так называемой комиссии Безра, 1744 г. – А. С.) НАШЕЙ

ЛЕЙБГВАРДИИ Семеновского полку поручика Алексея Булгакова которого мы пожаловали в капитаны поручики в оный полк, солдаты Преображенского полку Ивана Хохлова, Ивана Трунилова, Фому Звездочетова, Семеновского – Алексея Золоторева, Измайловского – Степана Аксютина написать шихтмейстерами (вот вам и специалисты – А. С.) которых солдат мы из полка повелели выключить. Семеновского полку солдат Алексея да Нколая Мансуровых которых которых мы повелели того полку нашей лейбгвардии первого в сержанты, другова в капралы, да к тому (т. е. к этим восьми – А. С.) прибавку велели отправить в вами из нашей же лейбгвардии полков капрала одного и солдат двенадцать человек – оных всех взять вам с собою для смотра над работами а особливо за рудами где оные расплавливать и очищать серебро будут и для посылок сюды с серебром и другими вещами и оных всех обучать горным делам». Безр прекрасно понимал, что «механический ученик» уже обученный специалист и присвоил ему сразу специальность гиттеншрейбера по праву: вскоре вторым гиттеншрейбером (по штату два) он сделает своего родственника Я. Безра и с Ползуновым они будут долго попеременно работать у Барнаульских печей.

...Итак, как быть? Правитель И. С. Христиани потребовал прикомандировать капитана А. Ширмана. Полковник Девиленов дал согласие, а Христиане его успокаивает: «Точно же он Ширман о имеющихся при здешних заводах горных и заводских делах не знает, и может быть в прибытие его в Санктпетербург в высочайшем Е. И. В. Кабинете у него что о заводах и горных произведениях и спросится, то он и ответу дать не может чего ради с ним послать должно из горных специалистов хотя одного ундершихтмейстера такого который бы о том горном и заводском действии же знал и в Высочайшем Е. И. В. Кабинете, если что спросится ясно и пространно донести мог, к чему здешняя канцелярия способным признает ундершихтмейстера Ползунова». Иван Ползунов должен был принять серебро от правления и «оное серебро и золото в команду и смотрение поручить капитану Ширману», всего он принял 221 пуд 4 фунта 41 золотник бликзилбера (серебро) и 1 пуд 24 фунта 69 золотников золота. Положено было 2 лошади Ширману и 1 Ползунову, остальные 21 под груз и солдат (21 человек). В инструкции Ширману сказано, что по прибытии в Петербург «все сдать приказать Ползунову; получить квитанции, и когда отпустят, то захва-

тить и его Ползунова и с поспешением ехать сюда и сдать прирапорте все квитанции и прочее». И еще раз обговорено: «а ежели вашим небрежением, что утратится или какая серебра и протчему ущерб учинятся о том во всем ответ дать повинны вы, а не другой кто».

Кажется ясно – за все отвечает капитан. Однако, серебро под роспись получил Ползунов, деньги на расход по продвижению обоза, смену лошадей, питание, на закупку припасов для Канцелярии в сумме 906 рублей 12 копеек вручили ему же, и вместе с тем капитану наказано: «за ним Ползуновым вам смотреть чтобы он те деньги для своей прихоти никуда не мог потратить так же и прогоны». Ползунову велено: «явиться тебе капитану Ширману и быть тебе в его команде...», однако деньги хранятся за двумя печатями Ширмана и Ползунова, расходует их один Ползунов. Пункт № 12 инструкции: «И во всем том порученном тебе деле поступать добропорядочно как доброму и верному Е. И. В. рабу по прежней своей должности за добрые поступки милостивого награждения, а за непорядочные жестокого истязания – декабря 31 дня 1757». Вначале стояли слова: а за непорядочные штрафован, но зачеркнули и надписали: жестокого истязания. Ширман будет только «ответ держать», а Ползунов – жестоко избит. И тут же, после подписи Христиани рукою Ползунова: «ундершихтмейстер Иван Ползунов принял и расписался» (л. 294). Выехал обоз 1 января 1758 г. в пять часов вечера, а 3-го в 9 утра они прибыли в Бердский острог (г. Бердск – перед нынешним Новосибирском). Обоз передвигался очень быстро, ибо Ширману велено было «следовать денно и ношно с великим поспешанием не мешкая нигде немалого времени кроме одного времени как ямщитских или извочичьих лошадей своих кормить надлежащее время – лошадей не изнурять...».

Первая особенность: двое равномерно (но неравноценно) отвечали за обоз, и только один из них офицер – так не принято по субординации: иначе говоря, Ползунова Канцелярия высоко ценит. Другая, – рапорты по пути следования возвращались в Барнаул, за двумя подписями, Ширмана и Ползунова, такого еще не бывало, от 3 января из Бердского острога, 7 января из Каинского, 11 января из Тары, 23 января из Тобольска. В столицу прибыли 6 марта. Из Кабинета отписали в Барнаул: «... серебро и прочее принято, капитан Ширман и 10 солдат отправлены обратно, деньги на прогоны на четыре подводы

выданы, а Ползунов и с ним капрал и один солдат оставлены здесь для покупки ему припасов, а по исправлению оно и помянутой Ползунов отравица немедленно» (л. 335). Вот третья особенность: капитан Ширман сразу отправлен обратно, а Ползунов оставлен, – вопреки инструкции правителя Христиани. Несомненно, это можно объяснить тем, что И. И. Ползунов уже замечен Кабинетом, он на хорошем счету, и сегодня-завтра станет обер-офицером, документ об этом он привез с собой. Капитан Ширман вернулся в Барнаул 14 августа, один, солдаты добирались самостоятельно, а Ползунов вернулся домой 30 октября.

И еще одна особенность, связанная именно с Ползуновым и ставшая закономерностью. Завершая параграф о поездке Ползунова, В. В. Данилевский замечает: «Начались сборы в дорогу, на которую, прежде всего, пришлось просить денег. 15 июня 1758 г. Кабинет распорядился «выдать из имеющихся при Кабинете суммы Колывано-Воскресенских заводов прибывшему с тех заводов с выплавленных при оных в 1757 г. серебром и золотом, и отправляющемуся ныне на те заводы возвратно унтершихтмейстеру Ивану Ползунову, в рассуждении понесенных в таком далеком переезде трудов и убытков тридцать рублей записав их в расход с роспиской». Снова потянулись вереницей дни...» (с. 123). В. В. Данилевский допустил здесь «промашку»: это не деньги на обратный проезд (еще капрал и солдат и значительный груз), которые выдаются без просьбы со стороны командировочного, как командировочные, а это – премия! Впервые за доставку обоза серебра из Барнаула в Петербург его сопровождающему выдано вознаграждение – «в рассуждении понесенных в таком далеком проезде трудов и (личных) убытков». 30 рублей есть полугодовой оклад И. И. Ползунова. Солидно. После этого и другим сопровождающим выдали премии, а некоторых тут же повышали в чине.

Теперь есть смысл проследить, какой чин у И. И. Ползунова был последним, ко времени его смерти. В книгах его именуют горный инженер, горный механик, инженер-капитан и даже штабс-капитан. Екатерина II 19 ноября 1763 г. утвердила ему совершенно оригинальную должность – чин: «пожаловать его в механики с чином и жалованием инженерного капитан-порутчика». Приходилось более или менее подробно рассматривать это сложное определение, публиковать две таблицы (см. «Ползуновские чтения 1989 го-

да», с. 7-11), там же высказано сомнение: «Горный чин механика возник позднее Табели о рангах, и поместить его в соответствующую ступеньку удалось не сразу. Однако, пожалованный чин капитана-поручика «твердо» соответствует X классу, чин же механика «переходит» в следующий XI класс, и соответствует достоинству «капитанского ранга». Более того, И. А. Шлаттер предлагал новую горную должность берг-механика, что еще «переваливало» за очередной класс». Иначе говоря, этим намекалось на чин майора. Никак нельзя согласиться с В. С. Виргинским, когда он категорически – в основном тексте, не в приложениях – утверждал: «Для ясности уточним, что обещанный чин механикуса соответствовал чину поручика», с. 87. Здесь никаких сомнений: горный чин шихтмейстера XIII класса, а не механика, соответствовал воинскому подпоручику.

О неоднозначности восстановления горных чинов к соответствующему классу Табели о рангах свидетельствует и выписанный здесь пункт 9 указа от 1 мая 1747 г. Можно понять, что солдат привилегированных полков (в основном из обедневших дворянских фамилий) переводят в горную службу офицерами шихтмейстерами. Но как согласовать решение Екатерины Петровны: поручика А. Булгакова она перевела в капитан-поручика гвардии, и тут же в – шихтмейстеры?! Вот и «вставь» волю дочери в Табели о рангах отца! Каково же было читать Алексею Булгакову такое «понижение»? В горную службу дворяне не шли, никак. А тут гвардии капитан-поручик в шихтмейстеры. Поэтому неудивительно, что когда Чичерина Екатерина II назначила Сибирским генерал-губернатором, то он под документами подписывался всегда тройным достоинством: «Сибирский губернатор Д. И. Чичерин, генерал-поручик, лейб-гвардии премьер майор» (см. ГААК, ф.1, оп. 1, д.629, л. 124; д. 339, л. 8, об; д. 777, л. 87).

В «деле» № 426 фонда № 1 нашего ГААК хранится папка «Рапорта и росписи учеников... и список офицеров...». Здесь хорошо прослежено, что Барнаульская горная школа, как и Екатеринбургская, имеет трехступенчатое строение: здесь отличный документ от 24 марта 1764 г. – присяга И. И. Черницына – сына ученика и соратника И. И. Ползунова по строительству машины, а так же его учеников Дм. Левзина, Ф. Овчинникова, П. Вятчина о производстве их в унтер-шихтмейстеры.

Но с листа 353 подшиты документы о чинах. Известно, что Елизавета Петровна 12

января 1761 г. утвердила указ о приравнивании горных чинов к воинским – по артиллерийскому ведомству, т. е. выше пехотных полков в жалованьи и в других «рационах». В частности, им выдавались средства не только на деньщиков, но и на круглогодичное содержание экипажа, «для разъездов и переезду с завода на завод» по делам службы. Если особая командировка, то прогоны казенные. Осенью указ привез в Барнаул Главный начальник округа, теперь уже генерал-майор А. И. Порошин. Несомненно, указ имел большое значение в закреплении кадров, теперь горных офицеров, в этом отдаленном уголке России. Очень скоро, 3 декабря 1761 г. состоялось первое, можно сказать, офицерское собрание, возник сословный клуб горных офицеров и он существовал все время. (Собственно говоря, сословная корпорация была заложена указом от 1 мая 1747 г., в п. 11. Здесь говорилось, что Беэр единолично может награждать специалистов «для поощрения других к доброму и тщательному управлению положенных на них дел». И наоборот, наказывать он мог только при «коллективном решении: «Напротив же того которые в делах своих будут неисправны и нерадивы или в пьянстве и других непосредствах без исправления пребывать, у тех жалование убавлять и чинами понижать доколе исправятца а буде и тем неисправятца то в простую горную работу употреблять – токмо сие все чинить по самой истине без всякого пристрастия и с согласием и подписью всех горных офицеров»). Так вот, на собрании было принято коллективное письмо в Кабинет Е. И. В. «Доношение от коллежских советников Христиани, Улиха и обер-офицеров Ал. Гана с товарищи». Они писали, что-де они давно пожалованы в офицеры, и теперь просят «на пожалованные деньги выдать первый патент от Кабинета». Документ имеет графы, у Ивана Ползунова обозначено: «шихтмейстер – ныне в каком чине против артиллерийских и инженерных состоит: штык-юнкер. По именному указу против полевых чинами с кем равняется: подпоручик».

29 декабря 1761 г. с сопроводительным письмом А. Порошин отослал «Доношение» в Петербург.

Но лишь 4 июня 1763 г. в Барнауле получили извещение, что «патенты по изготовлению присланы будут вперед сколь скоро возможно». Эта «скорость» затянулась еще на два года. Измученные ожиданием офицеры собрались 29 января 1765 г. и вновь составили «Доношение». Они жаловались, что

мундиров до сих пор нет, они ходят в партикулярном платье, их не отличить от мастеровых – и их оттого плохо слушаются, над ними надсмехаются, а из других воинских команд «хотя не явно, но под видом других околочностей наводят им презрение». На сей раз под «Доношением» подписался и А. И. Порошин. Список пересмотрели, теперь уже Улиха и Христиани в полковники, обербергмейстера И. И. Лебубе в майоры; И. Ползунов обозначен капитан-поручиком (как Екатерина II повелела), а вот шихтмейстер Д. Головин (произведен в шихтмейстеры одновременно с Ползуновым) обозначен как штык-юнкер, или инженерный прапорщик, т. е. это шихтмейстер XIV класса, ниже Ползунова на один класс при первом производстве. В свое время штык-юнкер И. Ползунов указан как подпоручик. К. Д. Фролов прописан как оберштейгер и шихтмейстер, однако на какой чин его именовать не указано. Гиттенфервальтер Александр Елагин послан в Петербург, и только 29 ноября 1765 г. патенты привезли в Барнаул. Здесь дело пошло быстрее, уже 5 декабря разверстали, кому и сколько платить за патент. И как это бывает – Ивана Ивановича Ползунова в списке не оказалось.

Читая подряд документы, я не особенно удивлялся думая, что пока «дело» движется – время идет – И. И. Ползунов умер, нет в списке. (Ему осталось жить четыре месяца и одиннадцать дней. Но это мы знаем, а тогда?) Но на обороте 366 листа есть приписка «... а Ползунов совсем проронен». В декабре 1765 г. Иван Иванович еле двигался, он жил рядом со своей машиной, около двух верст выше завода, доводил машину «до ума», 21 апреля 1766 г. продиктовал своему ученику Ивану Черницыну челобитную на имя императрицы с просьбой освободить его от руководства по строительству машину.

Пропущенного – «пророненного» – Ползунова в список не вставили, но место в документе ему было определено при отсылке в Петербург во второй группе; в первых чинах перечислены И. Г. Улих, И. С. Христиани, И. И. Лебубе, затем оберофицеры: обергиттенфервальтер Александр Ган, бергмейстер Иван Кузнецов, обергиттенфервальтер Иван Черницын», и тут же, но через точку:

«механикус Иван Ползунов», а затем после новой точки – маркшрейдеры. Вот сомнение: куда, в какую группу включен «механик» Ползунов? Ясно, что в оберофицеры, и он отделен от списка маркшрейдеров, хотя они также капитанского ранга. Но он не прописан в строчке с другими равными с ним по Табели о рангах, т. е. бергмейстеры – обергиттенфервалтеры. Тем более в приписке на обороте сказано, что «с него следует взыскать против маркшрейдеров то число как против имени Черницына». И с Черницына и с Кузнецова за мундирные регалии по 40 рублей, а за канцелярские и служебные хлопоты еще по 3 р. 40 к. На листе 367 в графе, что он получил патент записано: Механикусу Ивану Ползунову – и далее его рукою: «Пожалованной патент Иван Ползунов принял и расписался». (Хорошо, что успел получить патент). На л. 380 обозначено, что с Ползунова взято: 1 р. за пергаментный лист, 15 к. за печатанье в Сенат, 2 р. 25 к. за приложение печати, итого 3 р. 40 к., тогда как с оберштейгера и шихтмейстера Козьмы Фролова хотя и взяли за хлопоты 1 р. 87 к., но воинского чина не присвоили. И только при очередной «перемене чинов», в августе 1774 г. гиттенфервалтеры Д. Головин и К. Фролов были утверждены в чине поручиков, или в XII класс (см. ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 636, л. 213), но не капитанов, хотя должность гиттенфервальтера соответствует X классу.

Надо воспринимать дело так, что И. И. Ползунов пользовался заслуженной репутацией высокообразованного специалиста. Утвержденные в 1761 г. привилегии для горных специалистов «против чину» стали реальностью лишь в 1779 г., причем указано, что за прошедшие 18 лет льготы должны быть суммированы; увы, И. И. Ползунов ни нового мундира не успел опробовать, ни тем более льготы заиметь...

Есть и другие большие и малые неточности в прошлых книгах о Ползунове, недоразумения с неправильно понятым историческим текстом, а также обнаружены новые источники, что позволяет расширить и уточнить сведения о жизни и творчестве великого русского изобретателя.